

П.В. Василевский

студент кафедры «Философия языка и коммуникации»,
Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: pantalaimon.bas@gmail.com, ORCID: orcid.org/0000-0003-2601-4964

Текст и аудитория: стилизация и механизмы полиинтерпретационного прочтения

Аннотация: В приведённой статье исследуются несколько аспектов текста как отдельного феномена. В рамках работы была использована методология лингвистического структурализма, а также методология структурного психоанализа Жака Лакана. Основной темой статьи является исследование возможности стилизации текста влиять на его поведение в рамках систем, в которые он встраивается, а также исследование взаимодействия текста с читателем через призму стилизации. В качестве исследовательского материала были взяты романы Умберто Эко «Имя розы» и «Маятник Фуко», а также ряд эссеистических работ Ника Ланда, переведённых на русский (указанные работы отражены в библиографическом списке). Целью работы является в первую очередь демонстрация работы структуралистского метода, указание на разграничение структуралистской методологии и структуралистской философии и текстологический анализ ряда проектов «полиинтерпретационного» прочтения. Результатом работы является определение работ в жанре «theory-fiction» как «полиинтерпретационных» текстов, исследование стилистики как механизма взаимодействия текста с окружающей его реальностью, а также попытка перейти от концепта «двойного прочтения», введённого Умберто Эко, к концепту «полиинтерпретационного прочтения», который, по представлениям автора, является более уместным в исследовании современных экспериментальных текстов.

Ключевые слова: текст, стилистика, полиинтерпретационное прочтение, двойное прочтение, дискурс, автор, М-читателя.

Введение. Вопрос о стилизации

Каждый написанный текст – это прежде всего послание, он не направлен в пустоту. Послание, которое предназначено кому-то, в единственном или во множественном числе. Письмо, книга, публицистическая или научная статья: всё это имеет своего установленного М-читателя, который в идеале должен уловить по первым страницам несколько фундаментальных моментов.

(1) Этот текст предназначен конкретно для него. Этот принципиальный вопрос самоопределения адресата, как правило, чётко указывается в тексте в прямом или косвенном виде. Наиболее простой вид указания адресата – это подпись. Таковые обычно указаны в письмах и некоторых статьях, которые, в частности, могут в результате публичного распространения приобрести определённую аудиторию. Формат книги или статьи, в свою очередь, обычно не имеет своего конкретного единичного читателя и направлен на определённую группу лиц, которые объединены непосредственными интересами. Чтобы произвести контакт между текстом и читателем(-ями), используются определённые стилистические тропы, которые будут показаны ниже.

С другой стороны, литературные эксперименты 20 века, такие, которые были осуществлены Джеймсом Джойсом, Пьером Гийота или Гийомом Апполинером, показывают то, что авторы иногда предполагают в качестве аудитории самих себя, играя как бы в своего рода самозамкнутую игру, которую могут до конца понять только они сами. Тем не менее, эта замкнутая на самом себе игра возможна только до момента

публикации. Публичность текста разрывает связь текста и его автора, и текст начинает собственными силами искать себе аудиторию и, как правило, находит.

(2) Он желает вынести какую-то информацию из этого текста. Игнорирование автором телеологической составляющей текста делает его проект провальным. Причём вопрос цели чтения напрямую связан с вопросом адресата (1). Соответствующий адресат имеет соответствующую цель. Если текст попал в неподходящие руки, вопрос о целеполагании читателя можно считать некорректным. Извлечь информацию из текста может только тот субъект, который в состоянии его прочитать. Для одного М-читателя (Эко 2016) предложение *«Как ветер-лентяй листает страницу за страницей, невинные играют с Анаклетом в Попейю и антипану, листья живущих в жиле книги деяний, анналы сами регулируют циклы событий значительных и национальных, показывая, как минует мудрость ископаемых»* (Джойс 2016) будет набором замысловатых, но несвязных игр слов, а для другого иметь определённое значение. Это зависит от его интерпретационного опыта и сформированного тезауруса.

Сегодня мы имеем в распоряжении массу текстов средневековых алхимиков, которые мы не можем расшифровать, потому что они написаны для конкретной группы людей, алхимиков, причём адептов конкретного старшего алхимика, и этот алхимик должен иметь целью собственно *ad definitio* занятие алхимией. Поскольку алхимиков среди нас, скорее всего, нет, эти тексты имеют чисто прикладной академический интерес. Их читателей не существует, информация в этих текстах уже неактуальна, поэтому взаимодействовать с ним можно только в плане интеллектуального развлечения или исследования алхимии как таковой. Текст здесь лишь вспомогательная составляющая.

(3) Он в состоянии прочитать текст. Этот тезис вытекает из предыдущих двух пунктов. Если читатель по тем или иным причинам не может прочитать текст, несмотря на то, что он является её аудиторией и имеет цель извлечь из текста информацию, то текст в этом индивидуальном случае теряет актуальную интерпретируемость. Текст может быть написан на незнакомом читателю языке, в нём может быть использована непонятная читателю терминология, интертекстуальность может ссылаться на корпус, который читатель не исследовал. Так семинары Жака Лакана невозможно читать без прочтения корпуса текстов Зигмунда Фрейда, а тексты Жана Бодрийера требуется читать в хронологической последовательности, поскольку каждая книга является приростом к информации, перечисленной в прежних книгах и эссе. С другой стороны, в художественных произведениях часто используются метафоры, аллегории или ссылки на исторический контекст, который может быть понятен только представителю определённой культуры с определённым культурным бэкграундом.

Каждый из перечисленных пунктов – это то, что должен включать в себя М-читатель, чтобы исполнить свою функциональную роль по отношению к тексту. Игнорирование одного из пунктов лишает текст его базовой интенции – прочитываемости. И на все эти запросы автор может ответить полностью или даже с избытком, используя стилистику как основной инструмент своего производительного акта. Цель автора – стилизовать текст таким образом, чтобы он мог быть прочитан определённой группой лиц, которая имеет некие коллективные или индивидуальные запросы от текста и имеет интеллектуальную возможность прочитать этот текст.

В этом можно найти возможности для анализа (прежде всего текстологического) не только читателя, но и автора. Так, читатель Салтыкова-Щедрина – это человек, погружённый в социально-исторические проблемы царской России, находящийся в рамках интерпретационного пространства русского языка, в этом выражена его локальность как автора, тогда как Льва Толстого может читать любой человек, знакомый с историческими реалиями Европы 19 века, поскольку описываемые в его трудах ценностные дилеммы и исторические события в целом носят универсальный характер в рамках европейского пространства. Салтыков-Щедрин – локальный автор, тогда как Лев Толстой – глобальный.

В книге «Множественное тело: онтология в медицинской практике» Анн-Мари Мол пишет следующее: «Проблема языка важна. Сегодня международное общение в основном зависит от английского языка. Это относится и к этой книге. Если бы я написала ее на голландском, на своем родном языке, вы бы о ней не узнали». Подобный тезис подтверждает ту мысль, что форма текста в гораздо большей мере влияет на формирование круга его читателей, чем содержание. В содержании как бы имманентно заложен круг лиц, которые должны были бы заинтересоваться текстом, это константный элемент, тогда как форма расширяет или сужает этот круг. Книга «Множественное тело», написанная на голландском, предназначалась бы для академических философов Нидерландов и Бельгии, тогда как написанная на английском, она расширила свою аудиторию до общемировой. С другой стороны, художественное произведение, написанное на английском языке, может стать мировым бестселлером, даже если его содержание и форма посредственны, тогда как написанные на преимущественно национальных языках, как то на русском или на японском языке, должны быть действительно шедеврами, чтобы о них узнал мир.

Форма текста – многоаспектный феномен и содержит в себе множество составляющих, начиная от языка написания и заканчивая эмоциональной нагрузкой риторики. Однако для полноценного исследования материала требуется сосредоточить внимание на аспекте стилистических построений. Под стилем понимается следующее. Стил – это функциональный набор языковых средств, которые используются автором для формирования правильного интерпретационного дискурса между его текстом и абстрактным М-читателем. В частности, стилизация текста – это процедура уточнения круга адресатов, которым, по задумке автора, должен быть направлен текст. Вопрос стилизации – это принципиальный вопрос для оформления текста. С одной стороны, это как бы общая вывеска, под которой идёт текст и которая привлекает одну группу читателей и отторгает другую, а с другой стороны, в рамках стилизации образуется ряд нюансов, которые ещё более сужают этот круг, выделяя тех из них, которые могут наиболее эффективно с текстом взаимодействовать и в большей степени совпадают с М-читателем.

Эссенциализм дискурса

Частным вопросом в стиле текста является его дискурсивная направленность – ряд риторических средств, которыми автор обозначает свой текст как нечто принадлежащее к определённой точке в парадигме массовости и элитарности. Это предельная адресность, которая может быть показана в тексте – его классовое разделение. Здесь надо уточнить, что элитарность стиля не является указанием на привилегированное социальное положение его читателей, это лишь означает, что текст стилистически доступен только узкой категории лиц, и поэтому может быть прочитан только ими. Эта группа может быть как привилегирована, так и маргинальна. Снова возникает пресловутый вопрос языка. Какие слова использовать, какие нет; какая метафорика будет уместна, какая нет; какие отсылки можно вставлять, какие не стоит. Текст как конструктор складывается из этих вопросов, и от ответа на них формируется М-читатель, и соответственно постепенно очерчивается и предпочтительная аудитория.

Предельный вопрос стилистики – вопрос количественный, а не качественный. Сколько человек может прочесть текст – это не вопрос языка (в смысле национального языка) текста. Человек существует в рамках определённого дискурса – символического поля, который определяет его действия, поступки, его образ мысли и способ обращения с текстом. Французский социолог Бруно Латур называл это явление «габитусом». Габитус – это явление и индивидуальное, и коллективное одновременно в том плане, что он может незначительно различаться между каждым отдельным человеком, но в то же время значительная часть черт является общей для некоторой группы, и это общее является тем материалом, который создаёт эту группу.

Текст – это внешний элемент по отношению к группе. Он должен подчиняться общим канонам дискурса, чтобы войти в него, не будучи отторгнутым. Роль автора здесь – предписать тексту особые черты, которые могут быть восприняты теми людьми, которым он пишет. В этом суть функционального разделения стилей текста. Автор должен ввести черты дискурса во внутреннюю структуру текста таким образом, чтобы от него не отвернулась его аудитория. В этом плане в каком-то смысле экспериментальный роман Умберто Эко «Имя Розы» гораздо менее успешен, чем роман «Маятник Фуко», несмотря на то, что первый в целом гораздо более широко распространён, чем второй. Роман «Имя Розы» не был воспринят массовой публикой, потому что он показался ей слишком насыщенным неясной информацией, в то же время элитарной аудитории он показался поверхностным.

Конкретизировать аудиторию могут разные нюансы, ряд из которых уже были упомянуты выше. В первую очередь, это семантическое поле слов, которые используются в тексте. Академический текст насыщен профессиональными терминами, которые понятны только узкоспециализированной группе профессионалов. Элитарная художественная литература предполагает наполненность лексикой человека, приобщённого к интеллектуальной культуре, тогда как массовая художественная литература лексически должна быть понятна большинству людей. Философские работы не понятны даже человеку с философским образованием без вставки в определённый контекст или традицию, поскольку чаще всего не имеют строгих дефиниций, и понять их можно, только углубившись в их истоки. Слова, отсылая друг к другу, образуют «семантическую сеть» текста, которая должна быть воспринята габитуальным пространством группы, которой текст адресован для учреждения самой возможности коммуникации формата текст-читатель.

Переписки, дневники и аннигиляция личности

Вопрос читателя переписок и дневников имеет две стороны, и вопрос стиля здесь не совсем своевременный. Оба случая – пример текстов, в котором предполагается один читатель, но в разных категориях. Дневник – это форма манипуляций со временем, в котором автор пытается сам для себя сохранить утекающее из его рук время, как бы запечатлевая его в виде символов. Монологичность дневника кажется очевидной, но тут тоже есть что поставить под сомнение. Дневник является своего рода игрушкой в руках автора, которой он может распоряжаться, как захочет. С одной стороны, дневник может быть объектом интроспективного погружения, а с другой стороны – обращённого наружу описания. Автор дневника не задумывается о его стилистике, но стилистика сама приходит извне. В любом случае, погружённый в определённый дискурс человек, пишущий текст, не может быть не включён в общее контекстуальное поле, которое навязывает ему определённый стиль письма, который, в свою очередь, отражается на тексте. Это проявление амбивалентности стиля – он одновременно часть внешнего социально-символического пространства, и в то же время продукт творчества субъекта. Это напоминает ситуацию с изучением языков. Один язык человеку прививается с детства, но можно научиться пользоваться иными языками, которые тебе не были известны. Человек рождается, включаясь в определённые стилистические категории, определённые его социальным окружением, но при необходимости может научиться пользоваться тем стилем письма, который ему социально чужд.

Дневник – это диалог, который автор ведёт с самим собой, единственно возможный М-читатель такого – это он сам, потому что дневник ведётся так, как предпочтительнее самому автору, и в некоторых аспектах этот текст коррелирует с индивидуальными аспектами личности автора. Так мемуары Анри де Сен-Симона пропитаны его неприязнью к существующему общественному строю, тогда как в дневниках Льва Толстого угадывается его склонность к будничной иронии. Однако следует обратить внимание вот на какую вещь. Диалог автора с самим собой уничтожает личность самого

автора. Текст как бы абсорбирует индивидуальные особенности, делая их частью собственной стилистики, превращая автора из «личности» в «аноним». Субъекты дискурса – не личности, а анонимы, скрытые за конституирующими их дискурсами (Кристева 2015). Написанный текст поглощает его автора, апроприируя его в качестве части собственной стилистики.

Переписка же похожа на ведение дневника, они оба – диалоги, но принципиальное различие в том, что переписка – диалог, направленный вовне, в котором фигурируют два полноценных субъекта-интерпретанта, тогда как монолог предполагает диссоциацию субъекта, в которой субъект обращается к себе как к Другому (Лакан 2009). Интерпретация здесь возможна только посредством обращения текста вовне. Переписка имеет совершенно иной формат символического обмена. В ней стирается граница между диалогом и монологом. У текста существуют ограничения, которые нельзя преодолеть. Прежде всего, это вопрос ограниченности в эмоциональной передаче – в этом разница между речевым диалогом и диалогом письменным (перепиской). Переписка как формат текста стирает границу между диалогом и монологом, поскольку для каждого участника переписки текст является не частью какого-то диспута, а структурно завершённым посланием. В таком случае, следует воспринимать переписку как обмен монологами, а монологи – как реакционный жест на другие монологи. «Речь сталкивается с уничтожением, соизмеряясь с другим дискурсом, и такой диалог выводит личность за пределы круга» (Кристева 2015). Стилизация переписки происходит не в поле авторской творческой интенции, а в поле аннигиляции его личности и введения автора как стилистический троп в структуру самого текст.

Однако такой формат существования текста неполноценен, если не сказать мифологичен. Свою истинную форму дневники, переписки и мемуаристика – форму независимого текста – обретают, только выходя в тираж. Здесь уже читатель как бы находится сам, в связи с тем, что отделение текста от автора формирует М-читателя как внутреннюю компоненту самого текста независимо от желания автора. Однако особенность такого формата структурирования текста заключается в том, что в рамках его интерпретации происходит выявление автора. Выше было указано, что формат дневников и переписок аннигилирует личность автора и вводит его в структуру самого текста, и интерпретация текста может этого автора восстановить и наделить некоторыми свойствами. Но это не будет настоящий автор, поскольку текст может поглотить ровно ту часть его личности, которая ему отводится. По аналогии с формулой М-читателя можно назвать это нечто, синтезированное из текста «М-автора». Однако в случае с М-читателя – это абсолютная модель, тогда М-автора, появившаяся в результате интерпретации текста, – это скорее модель-нехватка, которую можно лишь символически восполнить. Именно поэтому дневники и переписки не являются достаточным решением для формирования биографии автора – в них всегда будет элемент недосказанности или фантазма.

М-читателя и стремление к абсолюту

Модель читателя представляет из себя не просто абсолютного читателя, который способен в полной мере проинтерпретировать текст, но аттрактор, к которому стремится текст в процессе стилизации, то есть в процессе выделения своей аудитории. Первый шаг стилизации заключается в структурировании дискурса текста, который направляет текст к его эссенциальной аудиторной группе – привилегированной, маргинальной, массовой или специализированной. Причём в рамках дискурса текста граница между привилегированностью и маргинальностью стирается – оба варианта начинают определять себя через диалектическую оппозицию к массовому. Однако стремление к абсолюту в этом смысле – это процесс истребления читателей, процесс всё большего сужения аудитории, поскольку самого М-читателя как такового не существует – это лишь идеальная модель, заложенная в структуре текста. Именно в этом функция М-читателя. Это как бы ядро текста, вокруг которого стилистические приёмы призваны направить

текст к читателю или читателя к тексту. Пределы функциональной роли М-читателя как абсолюта могут быть разные – чем конкретнее эта модель, тем более сужается круг лиц, которые могут эффективно интерпретировать этот текст. При этом эти интерпретации не будут совершенны, но будут максимально приближены к совершенству.

Стилизационные эксперименты показывают нам тот факт, что допустимы случаи, в которых факт даже относительного приближения к полной интерпретации невозможен. Предельные случаи стилизации в рамках экспериментальной литературы 20 века (Джойс, Гийота) открывают то, что доведение стилизации до предела может привести к тому, что круг читателей сократится до нуля, поскольку, чтобы приблизиться к М-читателя, нужно обладать как минимум всезнанием, что, естественно, невозможно. Этот же момент касается и алхимических текстов или текстов, написанных на нерасшифрованных языках. Правда их круг читателей сократился до нуля, потому что М-читателя предполагает обладание знанием, которого не существует в текущий момент времени.

Когда предел М-читателя достигает таких масштабов, текст теряет свою основную функцию – интерпретируемость – и меняет свой онтологический статус. Это больше не текст, а вещь, которая может быть использована как угодно, но не как интерпретационный проект. Теперь это вещь, которая принадлежит тому или иному месту в системе вещей (Бодрийяр 2021) и подчиняется другим системным законам – законам идеологии моды и экономики знака.

В модели читателя закладываются допустимые границы стилизации текста, тогда как сама стилистика, как растение, распускается вокруг ядра. Модель читателя – формирует не только количественный предел аудитории, одновременно с этим она формирует и сам текст. Она является как бы прототекстом, который содержит в себе потенции всего текста, который может быть даже не написан. В процессе создания текст раскрывает в себе эти потенции, одновременно формируя круг своих читателей через сужение. Это ещё один момент, который проявляется в агенте модели читателя – повышение количества и символической нагруженности заложенных в ней качеств обратно пропорционально количеству читателей. Можно считать, что когда количество читателей достигает нуля, то стилизационная перспектива достигает своего предела, переворачивая онтологическую ситуацию вверх дном, делая из текста вещь иного плана. Модель читателя является тем медиатором, который связывает текст и его аудиторию. Первоначальная структура развёртывает текст вокруг самого себя, при этом в процессе развёртывания определяет своего читателя через его количественную эксклюзивность. В конечном счёте, мы получаем определённую символично-коммуникативную конструкцию, в которой на одном месте находится текст, а на другом месте интерпретант, при этом и тот, и другой функционируют в рамках заложенного дискурса. Текст находится в привилегированном положении – это не читатель находит свой текст, а текст находит своего читателя.

Не-тот-текст

Говоря о коммуникации текста и читателя, а в общем подразумевая коммуникацию текста и дискурса, символического пространства вокруг читателя, следует определять этот механизм как общее правило. Правила, однако, это то, что можно нарушить, а символические структуры хрупки, как ни одни другие, поскольку образуются вокруг человеческих интенций. Нарушение их приводит к дискурсивному дисбалансу, который в рамках структурной системы превращается в кризис, необходимый к регуляции.

Существуют моменты, когда структура дискурса нарушается. Это происходит тогда, когда в определённый дискурс попадает текст, стилистически для него не приспособленный. В нём он не просто не приживается, но активно отвергается. Как я уже говорил, текст – это послание, и, с одной из сторон, послание эстетическое (Эко 2019). Об эстетических категориях принято говорить в субъективном ключе, однако подойдя к ней со структуралистской точки зрения, можно обнаружить, что каждый дискурс принимает

свою эстетику. Эстетика текста должна быть также в рамках стилистики и должна быть в этих рамках наделена чертами, которые позволили бы ей войти в аутентичность того или иного символического пространства. Текст, состоящий из описанных структур, приобретает вирулентные черты, входя в дискурс, он либо болезненно отторгается, либо становится частью дискурса, производя новые смыслы.

Отторжение текста происходит в рамках символического обмена между ним, дискурсом и интерпретационным агентом. Вхождение текста в символическое поле дискурса знаменуется вхождением его в символические структуры этого дискурса. Однако чтобы быть воспринятым дискурсом, необходимо, чтобы две структуры формировали определённое смысловое единство. В противном случае текст отвергается как неподходящий для этого конкретного дискурса. Когда в пазле к общей картине добавляется какой-то кусочек, он должен соответствовать общей картине, только тогда он будет иметь качество аутентичности. Если такого не происходит, часть пазла следует убрать. Сигнал о несоответствии структуры текста общей структуре дискурса – это то место, где вскрывается фигура интерпретанта, в котором зарождается тревога (Лакан 2010).

Тревога сигнализирует о том, что происходит разлом символического и что замещение нехватки не привело к закрытию желания. Тревога купирует возможности текста по установке себя в пространство дискурса, не допускает его к интерпретации, через вызов субъекта интерпретации. Отсутствующая структура в этом плане совершенно не мешает работать с дискурсом, потому что эта структура никак себя не обнаруживает, однако если она себя обнаруживает или замещается не-тем-текстом, то происходит дискурсивный диссонанс, который в какой-то момент заканчивается, и функционирование дискурса приходит в нормальное состояние.

Появление отсутствующей структуры (Эко 2019) в качестве господствующего означающего дискурса приводит к тому, что дискурс начинает искать то, что может закрыть эту брешь. Это обычно называется фундаментальным текстом, неким исходным материалом, вокруг которого дискурс строится. Это может быть некий определяющий труд, или даже несколько таковых, объединённых под знаменем определяющего автора. Так возникали философские традиции, литературные направления и научные области. В них происходят те процессы, о которых было указано выше – тексты попадают в символический обмен с дискурсом и интерпретантом с тем или иным успехом.

Механизмы полиинтерпретационного прочтения

Однако что если существует возможность, в которой стилизация по отношению к аудитории действует иначе? Не в сторону конкретизации и редуцирования фигуры читателя, а в сторону, напротив, расширения аудитории текста. Это то, что Умберто Эко называл в книге «Роль читателя, исследования по семиотике текста» (Эко 2016) двойным прочтением и продемонстрировал в качестве эксперимента в своём наиболее популярном романе «Имя розы». Суть двойного прочтения в следующем: первый этап стилизации (формирование классового определения текста) направлялся не в сторону одного или другого, а в сторону объединения двух вариантов стилистик, таким образом, чтобы текст мог прочитать одновременно как представитель привилегированной аудитории, так и представитель аудитории массовой.

По задумке Умберто Эко, каждая из этих групп читателей должна была структурно встроить текст в свой дискурс, при этом сделав совершенно разные интерпретации текста. Одни из них должны были получить наслаждение от представленного сюжета, в то время как другие должны были извлечь из текста определённые философские размышления, которые вложил туда автор. Однако, выражаясь словами самого Эко, есть серьёзный зазор между тем, что хотел сказать автор, и тем, что за автора сказывается в тексте. Эксперимент не закончился удачей, несмотря на то, что «Имя розы» всё равно стало самым «кассовым» в его библиографии. Попытка усидеть на двух стульях привела к

падению с обоих. От «Имени розы» открестилась массовая аудитория, поскольку для массового произведения он слишком сложен, а для элитарного произведения сложен недостаточно. Это тот случай, когда попытка найти золотую середину, что было отрефлектировано самим же Умберто Эко в другом его романе «Маятник Фуко», приводит к более широкому спектру проблем, чем впадение в крайности.

Другой вариант был представлен несколько позже. В этом, тоже своего рода эксперименте, был предложен формат совмещения не стилистик, а объединение в один уже сформировавшихся функционально-стилистических жанров. Особенно показательны это представлено в работах современного философа Ника Ланда, которые были озаглавлены характеристикой «Theory-fiction». Как следует из названия, это гибридизация стилистики массовой культуры и стилистики философского труда, в которой прочтение работ Жюль Делёза спокойно смешивается с работами Лавкрафта или с собственным мифотворчеством. В результате получилось нечто, к чему можно подойти с разных сторон, не двойное прочтение, но полимерное прочтение.

Такие работы могут прочитать академические философы, выведя для себя довольно стройную философскую систему с довольно обширными теоретическими концептуализациями, также их могут прочитать и любые другие люди, выведя для себя что-то своё, одни – эстетическое наслаждение сюжетной составляющей, другие – очередную конспирологическую теорию, третьи – занимательные игры слов, которые поддаются исследованию в духе работ Джеймса Джойса. Этот проект более удачен, хотя и менее массово распространён, поскольку исследователи работ Ника Ланда представлены как в академической среде, так и в массовой культуре, и даже в ряде так называемых «маргинализованных групп», которые совершенно серьёзно интерпретировали его игры в нумерологию (Ланд 2021).

Заключение. В структуральных лабиринтах

Функционирование текста никогда не является таким простым, каким представляется на первый взгляд. В формировании текста участвуют множество агентов: автор, читатель, дискурс социальный и символический и, в том числе, сам текст. Требование к тексту в духе библеистической герменевтики (Что хотел сказать автор?) деконструировано Роланом Бартом (Барт 1967). Теперь текст – это самостоятельный агент, который взаимодействует как с автором, отделяясь от него в процессе написания, так и с читателем, как с определённой машиной для извлечения смысла. Также текст встраивается как в «Глобальную Семантическую Сеть» (Эко 2016) как часть цепочки означающих, так и в малые дискурсы, становясь предметом критики или частью традиции.

Производство текста – это прежде всего расширение пространства для и так бесконечной цепи метонимий, которые, как грибница, покрывают символические структуры. Одни тексты отсылают к другим, другие к третьим, формируя пространство интертекстуализации (Эко 2016), в то время как все они своего рода тавтология друг на друга. Ролан Барт писал о том, что все тексты являются собранием заимствований из текстов, уже написанных (Барт 1989).

Однако всё же в тексте есть нечто определённое – это его стилистика. Стилистика, как хитин у насекомого, является одной из отправных точек для литературного анализа текста, анализа круга читателей текста, анализа социального пространства, в котором текст прижился. Текст взаимодействует с окружающей средой, иногда порождая великие смыслы, в которых кроется сила и опасность текста. Смысл текста, как бы естественно это ни звучало для лингвиста, может воздействовать на дискурс, в который он встроен совершенно непредсказуемым образом, и вместо нарратива автора сказаться через интерпретационные категории, вызвав функциональные изменения в дискурсе. Это мы видели на протяжении истории вместе с Библией, «Капиталом» Карла Маркса и «Курсом

общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, текстами, предопределившими свою часть «Глобальной Семантической Сети» на долгие годы вперед.

В стилистике есть что-то предвосхищающее, что как бы определяет судьбу (в смысле «destiny», а не «fate») текста. Судьбу в том плане, кем он будет прочитан, в каком контексте и как расшифрован. Всё это имманентно заложено в его структуре, он впитал это из окружающего пространства и в то же время привнёс в него что-то новое. В этом смысле тавтологичность текстов – это не их недостаток, а их объективное качество, которое проявляется в его включённости в семантические структуры мира. Однако не следует строить на этом философские построения, как это было предпринято в проекте структурализма Леви-Стросса. Структурализм – всего лишь продуктивный аналитический метод, применимый ко множеству сфер культуры, но онтологию на нём не построить, что доказал кризис французской философии структурализма в XX веке.

Постструктуралистские исследователи, часть из которых были упомянуты выше, занимались именно тем, чем позволял структуралистский функционал – анализом социума, анализом текстологическим (и в частности анализом литературы) и анализом бытовых практик. Структуры, какие бы они ни были даны нам в виде лабиринта, в котором главное умение – это не запутаться окончательно.

Библиографический список

Peirce, C.S. (c.1894 MS), "What Is a Sign?". Published in part in CP 2.281, 285, and 297-302, and in full in EP 2:4-10. 15. Peirce, C.S. (1904 Oct 12), A Letter to Lady Welbey

Барт Р. Смерть Автора / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994 С. 384-392

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2021.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Бразговская Е. В лабиринтах семиотики: Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2018.

Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. Спб.: Алетейя, 2017.

Джойс Джеймс. На помине Финнеганов: книга 1. М: Издательские решения; 2018.

Лакан Ж. “Я” в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Издательство “Гнозис”, Издательство “Логос”. 2009.

Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)). М: Издательство “Гнозис”, Издательство “Логос”. 2010.

Ланд Н. Киберреволюция. / Сочинения: в 6 т. Пермь: Гиле Пресс – Т. 2. С. 111-117.

Ланд Н. Нестандартные исчисления: номадические культуры. / Сочинения: в 6 т. Пермь: Гиле Пресс – Т. 3. С. 41-53.

Ланд Н. Расплавление. / Сочинения: в 6 т. Пермь: Гиле Пресс – Т. 2. С. 173-191.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. – 2002. – 5–6 (35). – С. 211–242.

Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей: сб. ст. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 169–199.

Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017.

Руднев В.П. Реальность как ошибка. Москва: Гнозис, 2011.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СББ.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: «Симпозиум», 2007.